

2. в пословицах присутствуют разнообразные части речи, т.е. паремии содержат не только центр – (существительное – действующее лицо + глагол), но и другие разнообразные части речи как: наречия, прилагательные, сравнительные обороты и т.д. В отобранных для анализа паремиях чаще других встречаются такие части речи, как:

- имя существительное;
- имя прилагательное;
- глагол.

3. в качестве стилистических средств в пословицах могут присутствовать различные тропы, например – рифма, перечисление, антитеза, метафора, олицетворение и т. д. В рассмотренных нами примерах преобладают такие тропы, как: антитезы сравнения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
2. Глебов В.Д. Пословицы и поговорки Брянской области. Брянск: РИО БГУ, 2008. 325 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. М.: Худож. лит., 1984. 383 с.
4. Диброва Е.И. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. М.: Академия, 2001. 704 с.
5. Жуков В.П. Русская фразеология: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2006. 406 с.
6. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус.яз. – Медиа, 2007. 649 с.

Коваль В.И.

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Беларусь

Народно-песенные тексты как источник для изучения поведения молодежи в сфере добрачных отношений

В статье анализируются белорусские народно-песенные тексты, отражающие поведение молодежи в сфере добрачных отношений. Обращается внимание на регламентацию поведения молодых людей в различных ситуациях и их речевое поведение, связанное с культурными традициями, социальным статусом и гендерными ролями.

Ключевые слова: фольклорный текст, добрачные отношения, традиционная культура, лексика, фразеология, символ.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта БРФФИ – РГНФ № Г15Р-041 от 04.05.2015 г. "Традиционные и современные практики социальной регламентации поведения молодежи в сфере любовно-брачных отношений на территории Восточного Полесья: этнокультурный и лингвогендерный аспекты".

Общеизвестно, что в сфере добрых отношений молодые люди во все времена стремятся придерживаться определенных (как правило, традиционных) моделей поведения, которые зависят от их общекультурного уровня, социального статуса, гендерных ролей, условий общения и других обстоятельств. Очевидно, что и девушка, и парень оказываются при этом в ситуации выбора между чувствами и разумом, сиюминутным порывом и рассудком. Рассматривая вопрос о том, какие "регулирующие механизмы" реализуются в сфере добрых отношений молодежи, важно учитывать содержание фольклорных текстов, относящихся к этой теме.

Темой многих белорусских народных лирических песен является общение не состоящих в браке молодых людей, инициатором которого выступает, как правило, парень, делающий девушке основанное на аллегории вполне "приличное" по форме, но нескромное по содержанию предложение: используя фразеологические эвфемизмы, содержащие компонент-символ *конь*, он предлагает девушке вступить с ним в интимные отношения. Парень обращается к девушке с незамысловатой, как кажется на первый взгляд, просьбой – напоить его коня, и эту просьбу в культурном пространстве деревни, где все друг друга хорошо знают, девушка не может (хотя бы из приличия) не выполнить. В большинстве случаев, однако, героини песен, прекрасно понимая "скрытый смысл" обращенных к ним слов, реагируют на эту просьбу отрицательно, хотя иногда (очевидно, по разным причинам) и соглашаются.

В одних текстах сама девушка задает своему визави определенную модель поведения, называя, например, какую-нибудь совершенно несерьезную, надуманную причину (например, холодную погоду). Сравн.: *Пастой, пастой, дзяўчыначка, / Дай каню вады. / – Рада б пастаяць, / Каню вады даць, / Маё босенькія ножкі, / Сцюдзёна стаяць* (ПК, № 22а); *Пастой, дзеўка, пастой, красна, / Дай каню вады! / – Не магу стаяць, / Каню вады даць: / Зімна роса, а я боса, – Сцюдзена стаяць* (ПК, № 22г).

В других случаях героиня объясняет свой отказ ссылкой на воспитательный авторитет матери, на ее предупреждения о возможных последствиях от "гуляний" с парнями: – *Выйдзі, дзеўка, на ганачак, /*

Дай каню вады! / – Я не магу ўстаць, / *Каню вады даць.* / – Мне матуля прыказала, / Каб я з хлопцам не стаяла, / Матулі баюсь, матулі баюсь (ПК, № 25); – *Выйдзі, сэрца, на ганачак, / Дай каню вады.* / – Не магу я ўстаць, / *Каню вады даць,* / Бо мне мама прыказала, / Каб з панамі не гуляла (ПК, 25а). В песне "Цераз гай зеляненькі" (ПК, № 98) парень просит девушку помочь ему в поимке его коня: – *Дзевачка, душа мая, / Пераймі майго каня, / Пераймі варанога, / Пажалей маладога.* Как и в других случаях, логично было бы ожидать со стороны героини если не выполнения просьбы, то хотя бы сочувствия. Но девушка, понимая двусмысленность словосочетания *пераняць каня*, его очевидный эротический подтекст, заявляет: – *Рада бы пераняці, / Дык баюся ж маці: / Мяне маці беражэ, / З чапялою сцеражэ.*

Особый интерес представляют песенные тексты, в которых девушка обещает парню напоить коня, но лишь после брака с лирическим героем (об этом свидетельствует употребление конструкций *як буду твая, яшчэ не твая*). В этом случае реализуется традиционная этическая норма, согласно которой близкие отношения возможны лишь в браке: – *Пастой, пастой, мая Кася, / Дай каню вады!* / – Як буду твая, / *Напаю каня / З зімненькае крынічанькі, / З поўнага вядра* (ПК, № 22б); – *Дзеванька мая, / Напой мне каня, / Напой з чыстай, зймнай крынічанькі, / З поўнага вядра.* / – Як буду твая, / *Напаю каня.* / *Коніка з вядзерца, міленькага з сэрца, / Як буду твая* (ПК, № 23); – *Дзяўчына мая, / Напой мне каня / З тое да з тое крынічэнькі, / Да з поўнага вядра!* / – Як буду твая, / *Напаю каня* (ПК, № 26а); – *Дзяўчына мая, напою мне каня!* / – *Не напаю, казачэньку, яшчэ не твая. / Як буду твая, / То напаю два* (ПК, № 26в); – *Пастой, пастой, мая Кася, / Дай каню вады.* / – Як буду твая, / *Напаю каня* (ПК, № 26г).

Приведенные выше контексты отражают два варианта благоразумного поведения девушки, не наносящие ей ни физического, ни морального ущерба. Гораздо сложнее (и даже трагичнее) выглядят представленные в песнях ситуации, когда молодые люди поступают опрометчиво, игнорируя свои собственные убеждения или советы близких им людей. Обычно героиней подобных текстов является обманутая девушка, и лишь в одной песне речь идет о козаке, который, не слушая призывов матери, идет ужинать и ночевать к девушке, которая у *полі пры раздоллі жыта жала, / Пры шырокай крынічаньцы / Коніка паяла*. Мать же не просто отговаривает сына, а предлагает ему неожиданную и даже страшную альтернативу: *Не ідзі, не ідзі, мой сыночак, / Табе горай будзе. / Лепей ідзі ўтаніся – / Табе лепей будзе.* Очевидно, что в данном случае мать предостерегает сына от отношений (и их последствий) с легкодоступной "гулящей") девушкой.

Некоторые народные песни рассматриваемой тематики завершаются “правильными” (нравоучительно-назидательными по форме, до довольно циничными по сути) словами парня-соблазнителя, обращенными к обманутой девушке. Так, народно-песенный фразеологизм *пущіць каня ў ярыну* характеризует поведение девушки, которая не только добровольно соглашается на близость с парнем, но и предлагает ему конкретный “план действий”: *Не едзь, Ясенька, ізранку, / Прыедзь, Ясенька, звечара, / Як будзе пасцель гатова*. После того, как парень провел ночь с девушкой, он фактически издевается над ней, называя вещи своими именами: – *Бывай, Касенька, здарова, / Я кавалер, а ты ўдова; / Не купляй, Касю, вяночка, / Бо ты цяпер не дзевачка*” (ПК, № 353).

В тексте песни “Ой, у лесе на дубочку” (ПК, № 378а) встречается фразеологизм *пасіць коней у руце* ‘иметь интимные отношения с девушкой’. Девушка колышет сына и дочь, обращаясь к парню, словившему ее судьбу, со следующими словами: – *Ой ты, Ясю-баламуце, / Не пасі ты сваіх коней у маей руце. / Твае коні падкаваны, / Патапталі руту-мяту з каранямі*. Юноша не отказывается от своей причастности к ситуации, но виноватой во всем считает девушку и потому упрекает ее: – *Ой, дзяўчына, чорны вочы, / Ой, чаго ж ты прыхадзіла да мяне ўночы? / Ці па агонь, па лучыну, / Ой, чаго ж ты прыхадзіла без прычыны?*

Интересен еще один построенный на диалоге текст, начинающийся словами “Ой, за гаем, за Дунаем, / Там Иванька з канём грае” (ПК, № 357). Слово сочетание *з канём граць* не может не содержать подтекстного эротического значения (‘лишать девушку невинности’), во-первых, на фоне уже рассмотренных фразеологизмов с компонентом *конь*; во-вторых, это подтверждается и содержанием самой песни. Героиня возмущается поведением парня: – *Иванюша, гарны хлопец, / Бадай жа ты марна прапаў, / Як ты майго вянка сцяраў*. На это молодой человек прямолинейно и насмешливо отвечает: – *Не я ж твайго вянка сцяраў, / Сцяраў твой дурны розум, / Дзявоцкае дзеваванне, / Хлапецкае жартаванне*.

Как уже отмечалось, для народных песен типичной является ситуация, при которой парень обращается к девушке с просьбой напоить его коня, а девушка обычно по разным причинам отказывает ему в этом [1, с. 98-100], то в песенном тексте, записанном на территории Ветковского района Гомельской области, напротив, девушка сама выражает желание напоить коня: *Ваня вёў каня свайго ў рэчаньку паіць, / А Варынька з вядзерцам да за ім бягіць. / – І куда ты, Варынька, рана так бяжыш? / І чаго ў пасцелічкі ў белінькай ня спіш? / – Ванячка мой*

мілінкі, табе памагу, / Кня варанога з вядра напаю, / – Ідзі-ка ты, Варынька, дамоў ідзі спаць, / А я буду коніка адзін напавець. Вопреки этим советам девушка поступает по-своему, следствием чего стала ситуация, при которой "упустила Варынька чыстая вядро", т.е. она утратила невинность до брака. Песня завершается нравоучительным обращением, с которым к девушке снова обращается ее жених: *Падышоў да дзевачкі слёзкі абціраць, / Стаў ён ету Варыньку крэпка цэлаваць: / "Ой, ня нада, Варынька, кня напавець, / Залато вядзерачка за сабою браць"* [2, с. 48].

Значительным "воспитательным потенциалом" обладают народные песни, в финале которых обманутая девушка либо просто рассказывает о своей ситуации, либо оценивает эту ситуацию весьма эмоционально. В таких песнях присутствуют мотивы постели, утраты девушкой невинности и внебрачного рождения ребенка. Так, в песне "У роўным полі крынічанька" (ПК, № 354) проезжающие гусары обращаются к девушке: *Ой, дзяўчына-дурачына, / Калі хочаш, едзь з намі, / З маладымі гусарамі. / Едуць яны поле і другое, / На трэцяе – начаваці. / Гусар кажэ пасцель слаці.* В конце песни девушка, обращаясь к своим подругам, искренне раскаивается в своем опрометчивом поведении: *Вы, дзевачкі, вы, сястрыцы, / Накажыце маёй мамы, / Няхай па мне не бядуе, / Мне вяночка не гатуе, / Я свой венчык утраціла, / Пад яварам зеляненькім, / Пад яварам зеляненькім / З гусарыкам маладзенькім.* Текст песни может представлять собой монолог героини, которая тяжело переживает трагическую для нее ситуацию: *Ой, крушына, крушына, / Ты мяне засушыла... / Праз твой зялен кусточак / Я згубіла вяночак* (ПК, № 352); *Пацірала я вяночак / У адзін цемны вечарачак / Пад яварам зеляненькім / З салдацікам маладзенькім* (ПК, № 355) *На Дунаю сінім белы хусты мыла, / Там я залаценькі венчык утраціла. / Бо тудою ехаў хлопчык маладзенькі, / Зняў ён з мяне венчык, венчык залаценькі* (ПК, № 356). В другом песенном тексте (ПК, № 376) девушка сама проявляет инициативу: *– Ой, уланы, малайцы, / Што ў вас за коні? / Асядлайце мне кня, / Памчуся па волі. – Калі б ты была мая, / Асядлаў бы жыва. / Садзіся, пракачу, / Дзяўчына чарнабрыва. / Цераз год яна ідзе, / Галаву схіліла. / На руках яе ляжыць / Уланенак мілы.* После всего происшедшего девушке остается только одно – обратиться за помощью к матери: *– Ох ты, мамачка мая, / Во табе наука, / Калыхала ты мяне, / Кальшы і ўнука.*

Приведенный материал нуждается в дальнейшем более тщательном исследовании, так как он отражает важный фрагмент традиционной духовной культуры белорусов – регламентацию поведения молодежи в сфере добрых отношений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Коваль, В.И. Текст и язык: поиски истоков : монография / В.И. Коваль. – Минск: РИВШ, 2012. – 270 с.
2. Лапацін, Г.І. Варвара Грэцкая як з’ява беларускай народнай культуры / Г.І. Лапацін. – Гомель: Барк. – 248 с.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

ПК – Песні пра каханне / [Склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ. арт. і камент. І.К. Цішчанкі; Рэд. Тома А.С.Фядосік, Г.І. Цітовіч. – Навука і тэхніка, 1978.

Шабундаева Н.И.

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Беларусь

Несколько параллельных названий хлеба на пограничной восточнославянской территории

Данная статья посвящена исследованию нескольких однокоренных названий хлеба, зафиксированных на пограничной русско-белорусско-украинской территории. Эти названия рассмотрены с точки зрения их семантики, словообразования, генетического родства.

Ключевые слова: *семантика, словообразовательная структура, происхождение, генетическое родство, параллель, архетип, праформа.*

Лингвистическая география не только указывает на территорию распространения того или иного языкового явления, но её данные позволяют увидеть разное или общее в языках, а, следовательно, и в менталитете народов, говорящих на этих языках. Язык свидетельствует о народе, его истории и взглядах на жизнь более других источников и артефактов. Хлеб – основа основ восточнославянского мироустройства. Использование одинаковых названий хлеба в пограничных говорах говорит об общности народов и языков.

В данной статье будут рассмотрены несколько параллельных названий хлеба с корнем **ver-/*vor-/*vbr-/*vbr-* с семантической, деривационной и хронологической точек зрения, зафиксированных на смежной русско-белорусско-украинской территории.

В брянских говорах русского языка *верэнина* обозначает заварное тесто из ржаной поджаренной муки; едят его горячим со свиным растопленным салом (Расторгуев 63). Данная лексема входит в ряд генетиче-